
С. МАТХАУЗЕРОВА

**Прокопий Сазавский и Прокопий Устюжский.
К одной параллели в исторической
повествовательной литературе**

Во время последней поездки Дмитрия Сергеевича Лихачева в Прагу — по случаю присуждения звания почетного доктора Карлова университета — мы посетили Сазавский монастырь, где помимо прочего речь у нас зашла о некоторых параллельных мотивах в житиях Прокопия Сазавского и Прокопия Устюжского. Когда позднее с Натальей Сергеевной Демковой мы навестили тот же самый монастырь, она при виде беса, побеждаемого святым Прокопием Сазавским, сразу же заметила: «Это похоже на нашего Прокопия Устюжского, которому также дана была сила изгонять бесов».

Где берет начало их ипостась святости? Греческие одноименные угодники (один из них был просто мученик, другой — носил прозвище *конфессор*, т. е. исповедник) ничего общего с дьяволом не имели. Более уместным поэтому представляется сопоставление со св. Бенедиктом Нурсийским (480—563), житие которого переведено на старославянский язык в XI в. Оба наши Прокопия были местными святыми, оба тесно связаны с удаленной от центра областью и ее рекой: Прокопий Сазавский с рекой Сазавой, а Прокопий Устюжский с рекой Сухоной, на фоне которой, сидящим на излюбленном камне, и изобразил его Николай Рерих.

Оба святые стали покровителями купцов, рыбаей-промысловиков, водными путями перевозящих свои товары. Чудодеяния обоих Прокопиев похожи друг на друга. Оба наделены даром прозорливости, лечат людей, изгоняют творящих напасть дьяволов. Прокопий Устюжский изгоняет беса из Евдокии и ее детей, так же как позднее — из Соломонии бесноватой; Прокопий Сазавский очищает от «тьмы» чертей свою пещеру, заставляет дьявола пахать землю и выращивать плоды. Во всей поэтической ткани повествования, и особенно в мотивах чудесного, зримо проступает народное творчество, благодаря которому сложная христианская догматика и отвлеченная образность — посредством агиографии — приближаются и усваиваются простым верующим. Свою лепту вносят поэтизация гимнографических текстов и, конечно же, агиографическая мистика.

Правомерно было бы предположить, что богатая обработка сазавских житийных текстов произошла в царствование цесаря римского и короля чешского Карла IV в чешской агиографии 2-й половины XIV в., во времена, когда составлялся так называемый «Чешский проповедник» («Český homiliář»), содержащий «чешские» библейские тексты. В русской же культурной среде развитие повествовательных агиографических текстов произошло в XV столетии, совпало с ре-

организацией Русской православной церкви и канонизацией русских праведников, в том числе — нескольких юродивых.

Изданное в 1893 г. «Житие Прокопия Устюжского»,¹ известное нам по рукописи сборника В. М. Ундольского и пополненное по великоустюжской рукописи XVII в., в фактографическом плане крайне скупо, что значительно затрудняет целостное восприятие исторической действительности. По преданию, Прокопий скончался в 1303 г., но его наставником назван Варлаам Хутынский, умерший в 1192 г. На это несоответствие обращается внимание в книге Г. П. Федотова «Святые Древней Руси»,² вышедшей в 1990 г. с предисловием Д. С. Лихачева, комментариями С. С. Бычкова и протоиерея Александра Меня.

Автор комментария к Житию Прокопия Устюжского, С. С. Бычков, перечисляя подобные неувязки, пишет: «Житие это приводит Прокопия в Устюг из Новгорода и — что самое поразительное — делает его немцем». ³ Такое безоговорочное отождествление нам также представляется случайным и ничем не оправданным. В тексте Жития сказано следующее: был он «от западных стран, от латинска языка, от немецкой земли». Иконографической приметой святого на долгие столетия становится «краткая немецкая одежда». В Житии говорится: «В Новгороде он познал истинную веру, отказался от своей латинской и примкнул всей душой и сердцем к истинной вере в Христа (разумеется восточной. — С. М.) и за нее стал бороться». Он принял «юродственное Христа ради житие и в буйство преложися» — «по Апостолу»,⁴ со своей стороны замечает Г. П. Федотов.

Полагаем, что речь идет о Первом послании апостола Павла к коринфянам: «Мы безумны Христа ради, а вы мудры во Христе... Даже донныне терпим голод и жажду, и наготу, и побои, и скитаемся...» (1 Кор. 4: 10—11).

Осмелившись сопоставить Жития Прокопия Устюжского и Прокопия Сазавского в качестве параллельных текстов, сошлемся на то же Первое послание, в этот раз на главу 14, стихи 18 и 19. Здесь апостол Павел говорит: «Благодарю Бога моего: я более всех вас говорю языками; но в церкви хочу лучше пять слов сказать умом моим, чтобы и других наставить, нежели тьму слов на незнакомом языке». Обе приведенные цитаты из Первого послания апостола Павла к коринфянам обозначают одно и то же, а именно — искреннее восприятие евангельских и апостольских слов, несмотря даже на то что искренность подчас воспринимается как безумие, что, заметим, и произошло в случае с Прокопием Устюжским.

Вторая цитата о богослужебном языке, чужом и родном, о преимуществе в церковной службе пяти слов родного языка пред тысячью непонятных слов, указывает на Прокопия Сазавского, по примеру первоучителей Кирилла и Мефодия истово проповедовавшего в чешских землях. Прокопий Сазавский, как узнаем из написанных в его честь житий, в своей проповеди опирался на артикулы папы римского Адриана II, дозволившего пользоваться в богослужении не латинским, а славянским языком.

В конечном счете при содействии чешского князя Боривоя Прокопий Сазавский построил церковь в честь Богородицы над рекой Сазавой и основал славянский скрипторий. По сравнению со своим двойником, Прокопием Устюжским, приезжим иностранцем, очутившимся в чужой для себя среде, Прокопий Сазавский действовал в своей родной стране с согласия князя и народа. Деяния подвижника начинаются в пещере (здесь необходимо вспомнить киево-печерскую

¹ Житие преподобного Прокопия Устюжского. СПб., 1893.

² Федотов Г. П. Святые Древней Руси (X—XVII вв.) М., 1990.

³ Бычков С. С. Комментарии // Федотов Г. П. Святые Древней Руси (X—XVII вв.) М., 1990. С. 202.

⁴ Там же.

базилианскую традицию скитничества, равно как и соотносимые по времени дружеские отношения чешско-венгерских княжеских родов). Деятельность Прокопия Сазавского в 1033 г. завершилась основанием бенедиктинского монастыря славянской ориентации. Именно здесь при неустанной поддержке чешских князей Олдржиха и его сына Бржетислава переписывались богослужебные книги, развивалась славянская письменность.

Все это происходило на глазах соседствующего латински-ориентированного духовенства. Время было напряженное. К своему завершению приближался догматический спор между Римом и Константинополем о толковании слов молитвы «Credo» («Верую»). Позиция Сазавского монастыря, на протяжении полувека славившегося славянской литургией, была предельно ясна и далека от какой бы то ни было безучастной нейтральности. Тяжелые времена для него наступили после смерти настоятеля в 1053 г. Год спустя после кончины Прокопия Сазавского завершился спор между Западной и Восточной церквами. В 1054 г. римские легаты во главе с кардиналом Гумбертом покидают Софийский собор и возвращаются из Царьграда назад. После неудачной развязки теологического спора следуют решения политические: часть славянского мира остается в сфере влияния Восточной церкви, другая — под крылом Рима.

Авторитет Рима в Чехии и Моравии признается с IX в., с поры легализации славянского богослужения. После раскола Рим к славянской литургии какое-то время относится терпимо, но вскоре в глазах некоторых церковных иерархов она все чаще воспринимается как еретическое нарушение западнохристианского единства. Начинаются гонения на славянских монахов. Первое, по предсказанию самого Прокопия Сазавского, обрушивается на Сазавский монастырь в 1056 г. и длится 6 лет, второе, уже окончательное, наступает в 1097 г. Сазавские монахи расходятся, их следы теряются в разных концах славянского мира, и о большинстве из них неизвестно, где нашли себе новое пристанище.

Странники по принуждению уже знали дорогу, ведущую в венгерский Вышеград, в котором пребывали киевские монахи-базилиане и где венгерский король Андрей I женился на дочери Ярослава Мудрого — Анастасии Ярославне. Их дочь Адлейта стала женой будущего чешского короля Вратислава I, защитника славянских монахов и славянского богослужения вообще. Некоторые монахи ушли к южным славянам, но и проторенные дороги, ведущие в Северную Русь, как в свое время справедливо отметил знаток средневековых торговых связей между Западной Европой и Русью проф. А. В. Флоровский,⁵ были к тому времени хорошо знакомы. О тесных контактах с восточнославянским православием помимо прочего свидетельствуют мощи братьев страстотерпцев Бориса и Глеба, с 1095 г. хранящиеся в Сазавском монастыре.

Требовательный читатель, возможно, ожидает разрешения биографической загадки Прокопия Устюжского, спасавшего людей от дьявольских козней ровно так, как это делал Прокопий Сазавский или в некоторой степени — св. Бенедикт Нурсийский. Развеять агиографический туман мы, однако, не беремся, поэтому в завершение своего изложения говорим всего лишь о параллели.

Напомним о «параллельном» событии, произошедшем практически на 5 столетий позже. В 1570 г. в составе польской посольской делегации к царю Ивану IV оказался чех Ян Рокыта (Jan Rokyta), член Западной реформированной церкви, в число которой входили и так называемые чешские братья.⁶ Желая заручиться поддержкой, Ян Рокыта должен был объяснить царю Ивану Грозному суть западной Реформации. Состоялся диспут, на котором присутствовали

⁵ Флоровский А. В. Чехи и восточные славяне X—XVIII вв. М., 1947.

⁶ Bidlo J. Bratr Jan Rokyta u cara Ivana Hrozného // Český časopis historický. Praha, 1903. T. 9. S. 1—25.

представители Русской православной церкви. Иван IV задал письменно вопросы, и Ян Рокыта на них тоже ответил в письменном виде. Ответ не удовлетворил Ивана IV, его представления об отношении церкви и государства были совсем иные, отличные от того, как их толковала западная Реформация. Попытка XVI в. найти поддержку славяноязычных соседей и при этом опереться на авторитет восточного христианства не была единична. Со временем крепнет уверенность, что настоящую, неискаженную христианскую веру следует искать и находить на Востоке: на юге в Византии или на севере в России.

Параллельность событий имеет и историческую ценность. В отвлеченно-символической плоскости подобие двух явлений само по себе может обозначать больше, чем их чисто эмпирическая взаимосвязь.

Кульτ Прокопия Устюжского складывался с XV в. Как отмечает А. Н. Власов, его «существенным моментом явилось отсутствие в первоначальном виде свода собственной житийной биографии Прокопия. Нет ее и в других списках первой группы».⁷ В связи с тем, что «в службе Прокопию <...> нет даже намек на биографию святого»,⁸ большую важность приобретают косвенные намеки на чудодеяния Прокопия Устюжского.

Исследование А. Н. Власова «Устюжская литература XVI—XVII вв.»⁹ представляет много историко-географических сведений о культурном развитии Севера Руси. В книге дан текстологический анализ Иоанно-Прокопиевского житийного цикла и его сравнение с традицией летописной повести и даже с былинами как с особым жанром народно-поэтического творчества.¹⁰ При рассмотрении темы в нашем ключе, т. е. при сравнении житейской канвы в «параллельных» агиографических текстах о Прокопии Сазавском и Прокопии Устюжском, особую ценность представляют материалы, приведенные А. Н. Власовым в статьях «Сказание о грамоте и о пермской азбуке» и «Повесть о Стефане Пермском»:¹¹ «и якоже Кирил философ, иже <...> словом сотворил грамоту словенскую»,¹² так же Стефан Пермский, подвижник которого предсказал Прокопий Устюжский, изобрел азбуку для пермяков: «Он же не токмо святым крещением просветил, но грамоте сподобил и книжный разум даровал, и предаст им писание...».¹³

Стефан Пермский — вполне историческая личность — родился в Устюге, а умер в 1396 г. в Москве. Его рождение предсказал Прокопий Устюжский в одном из своих предречений о будущем малолетней девочки Марии. Из другого сказания следует, что однажды в морозную ночь юродивый Прокопий раскрыл тайну своего юродства клирику Симеону. Ему он представился как настоящий Христa ради юродивый, выполняющий важное, может быть, миссионерское поручение. Клирик Симеон, которого Прокопий попросил никому о сказанном не говорить, в дальнейшем оказался отцом святителя Стефана Пермского, создателя азбуки и книг для пермских зырян на их родном языке.

Вопрос языка проповеди оказался важным моментом в деле христианизации языческих областей, в борьбе с распространенным кумиропоклонением.

⁷ В л а с о в А. Н. Литературная история праведного Устюжского чудотворца // Житие святого праведного Прокопия Христа ради юродивого устюжского чудотворца. М., 2003. С. 112.

⁸ Čhaloupecký V., Ryba B. Středověké legendy prokopské. Praha, 1953; Kadlec J. Svátý Prokop. Řím, 1968.

⁹ В л а с о в А. Н. Устюжская литература XVI—XVII вв.: Историко-литературный аспект. Сыктывкар, 1995.

¹⁰ Там же. С. 19—34.

¹¹ В л а с о в А. Н. История пермской епархии в памятниках письменности и устной прозы: Исследования и материалы. Сыктывкар, 1996. С. 59—70.

¹² Там же. С. 60.

¹³ Там же. С. 61.

Решающую, активную роль в деле христианизации играют несколько конкретно-исторических текстов: «О письменах черноризца Храбра», славянская азбука, созданная Константином Философом, и Первое послание апостола Павла к коринфянам. Указание на последнее, возможно, содержит Житие Прокопия Устюжского в описании чуда у гроба святого: грудь Соломонии бес терзал как раз во время чтения «слов апостола Павла» (к коринфянам?). Сообща указанные произведения свидетельствуют о преимуществе богослужения на родном, всем вполне понятном языке.

Как видим, под религиозной символикой и образностью народного узора сокрыто немало исторических фактов.

Прокопий Сазавский как святой, почитаемый и восточными славянами, был канонизирован папой Иннокентием III в 1204 г. По справедливому замечанию знатока древнечешской литературы Романа Якобсона, Прокопий Сазавский среди чешских святых занял особое положение: «Он <...> чешский святой *par excellence*».¹⁴ Прокопий Устюжский из местнотимых святых стал общепочитаемым после составления в XVI в. жития. Тайна его биографии кроется, возможно, в следующих словах: Прокопий Устюжский отпрашивается у Варлаама «в восточные страны» и идет по градам и весям, непроходимым лесам и болотам, «взыскупя древнего погибшего отечества».¹⁵ Культ его сыграл большую роль при централизации, объединении областей внутри исторически принципиально нового типа государства. Одним своим чудодеянием он связан и со Стефаном Пермским, создавшим по образцу Кирилла Философа азбуку для пермских зырян.¹⁶

¹⁴ J a k o b s o n R. Glosy k legendě o sv. Prokopu Jaroslava Vrchlického // Živý Vrchlický. Brno, 1937. S. 65—77 (перепечатано в изд.: J a k o b s o n R. Poetická funkce. Praha, 1995. S. 547—556).

¹⁵ Ф е д о т о в Г. П. Святые Древней Руси. С. 202.

¹⁶ Ср. библиографию к главе о Стефане Пермском: Там же. С. 121—126.